

Владимир Высоцкий
Я, конечно, вернусь...

«ЭКСМО»

Высоцкий В. С.

Я, конечно, вернусь... / В. С. Высоцкий — «Эксмо»,

ISBN 978-5-457-02145-7

В эту книгу вошли песни, написанные В. Высоцким специально для кинофильмов. Одним из них улыбнулась удача: можно ли представить фильм «Вертикаль» без его неповторимого голоса, интонаций, без этих навсегда врезавшихся в сердце и память строк «Если друг оказался вдруг...», «Лучше гор могут быть только горы...»? У большинства же этих песен судьба такая же, как и у всего, что он писал. При его жизни в фильмы они не вошли. Не будем сейчас рассуждать о том, что потеряли эти картины. А просто перелистаем страницы этого сборника и вспомним наши любимые песни.

ISBN 978-5-457-02145-7

© Высоцкий В. С.

© Эксмо

Содержание

Песни для кинофильмов	5
Для кинофильма «Саша-Сашенька» (1966)	5
Для кинофильма «Иван Макарович» (1968)	8
Для кинофильма «Вертикаль» (1966)	9
Для кинофильма «Последний жулик» (1966)	14
Для кинофильма «Война под крышами» (1967, 1971)	18
Для кинофильма «Хозяин тайги» (1968)	21
Для кинофильма «Интервенция» (1968, 1987)	23
Для кинофильма «Карантин» (1968)	27
Для кинофильма «Опасные гастроли» (1969)	28
Для кинофильма «Белый взрыв» (1969)	32
Для кинофильма «Сыновья уходят в бой» (1970)	34
Для кинофильма «Внимание, цунами!» (1969)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владимир Высоцкий

Я, конечно, вернусь...

Песни для кинофильмов

Для кинофильма «Саша-Сашенька» (1966)

Песня-сказка о старом доме на Новом Арбате

Стоял тот дом, всем жителям знакомый, —
Его еще Наполеон застал, —
Но вот его назначили для слома,
Жильцы давно уехали из дома,
Но дом пока стоял...

Холодно, холодно, холодно в доме.

Парадное давно не открывалось,
Мальчишки окна выбили уже,
И штукатурка всюду осыпалась, —
Но что-то в этом доме оставалось
На третьем этаже...

Ахало, охало, ухало в доме.

И дети часто жаловались маме
И обходили дом тот стороной, —
Объединясь с соседними дворами,
Вооружась лопатами, ломами,
Вошли туда гурьбой

Дворники, дворники, дворники тихо.

Они стоят и недоумевают,
Назад спешат, боязни не тая:
Вдруг там Наполеонов дух витает!
А может, это просто слуховая
Галлюцинация?..

Боязно, боязно, боязно дворникам.

Но наконец приказ о доме вышел,
И вот рабочий — тот, что дом ломал, —

Ударил с маху гирею по крыше,
А после клялся, будто бы слышал,
Как кто-то застонал

Жалобно, жалобно, жалобно в доме.

...От страха дети больше не трясутся:
Нет дома, что два века простоял,
И скоро здесь по плану реконструкций
Ввысь этажей десятки вознесутся —
Бетон, стекло, металл...

Весело, здорово, красочно будет...

1966

* * *

Дорога, дорога – счета нет шагам,
И не знаешь, где конец пути, —
По дороге мы идем по разным сторонам
И не можем ее перейти.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись – я напротив, я рядом.
Побегу на красный свет, – оштрафуют —
не беда, —
Только ты подскажи мне – когда.

Улыбка, улыбка – для кого она?
Ведь как я ее никто не ждет.
Я замер и глаза закрыл, открыл – но ты одна,
А я опять прозевал переход.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись – я напротив, я рядом.
Побегу на красный свет, – оштрафуют —
не беда, —
Только ты подскажи мне – когда.

Шагаю, шагаю – кто мне запретит!
И шаги отсчитывают путь.
За тобой готов до бесконечности идти —
Только ты не сверни куда-нибудь.

Улыбнись мне хоть как-нибудь взглядом,
Улыбнись – я напротив, я рядом.
Путь наш долг, но ведь он все же кончится,

боюсь, —
Перейди, если я не решусь.

1963, ред. 1966

Для кинофильма «Иван Макарович» (1968)

Письмо

Полчаса до атаки,
Скоро снова – под танки,
Снова слушать разрывов концерт, —
А бойцу молодому
Передали из дому
Небольшой голубой треугольный конверт.

И как будто не здесь ты,
Если – почерк невесты
Или пишут отец твой и мать, —
Но случилось другое —
Видно, зря перед боем
Поспешили солдату письмо передать.

Там стояло сначала:
«Извини, что молчала,
Ждать не буду». – И все, весь листок.
Только снизу – приписка:
«Уезжаю неблизко, —
Ты ж спокойно воюй, и прости, если что».

Вместе с первым разрывом
Парень крикнул тоскливо:
«Почтальон, что ты мне притащил! —
За минуту до смерти
В треугольном конверте
Пулевое ранение я получил».

Он шагнул из траншеи
С автоматом на шее,
Он осколков беречься не стал, —
И в бою над Сурою
Он обнялся с землею,
Только – ветер обрывки письма разметал.

1967

Для кинофильма «Вертикаль» (1966)

Песня о друге

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так,
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тяни —
рискни! —
Не бросай одного
его:
Пусть он в связке в одной
с тобой —
Там поймешь, кто такой.
Если парень в горах —
не ах,
Если сразу раскис —
и вниз,
Шаг ступил на ледник —
и сник,
Оступился — и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
чужой,
Ты его не брани —
гони:
Вверх таких не берут
и тут
Про таких не поют.
Если ж он не скулил,
не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
но шел,
А когда ты упал
со скал,
Он стонал,
но держал:
Если шел он с тобой
как в бой,
На вершине стоял — хмельной, —
Значит, как на себя самого
Положись на него!

1966

Здесь вам не равнина

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но – нет, никто не гибнет зря!
Так лучше – чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну – не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед,
ни скала, —
Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони – ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим – у которых вершина еще впереди.

1966

Военная песня

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала.
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны – вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.
И парень тот – он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

Скалолазка

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалась в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты – и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —
Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой связаны —
Стали оба мы скалолазами!

1966

Прощание с горами

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы – просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать – и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас – и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы – кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже всё доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

* * *

Свои обиды каждый человек —
Проходит время – и забывает.
А моя печаль – как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

Для кинофильма «Последний жулик» (1966)

О вкусах не спорят

О вкусах не спорят: есть тысяча мнений —
Я этот закон на себе испытал, —
Ведь даже Эйнштейн, физический гений,
Весьма относительно всё понимал.

Оделся по моде, как требует век, —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.

Вот уж действительно
Всё относительно, —
Всё-всё, всё.

Набедренный пояс из шкуры пантеры, —
О да, неприлично, согласен, ей-ей,
Но так одевались все до нашей эры,
А до нашей эры – им было видней.

Оделся по моде как в каменный век —
Вы скажете сами:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.

Вот уж действительно
Всё относительно, —
Всё-всё, всё.

Оденусь как рыцарь я после турнира —
Знакомые вряд ли узнают меня, —
И крикну, как Ричард я в драме Шекспира:
«Коня мне! Полцарства даю за коня!»

Но вот усмехнется и скажет сквозь смех
Ценитель упрямый:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.

Вот уж действительно
Всё относительно, —
Всё-всё, всё.

Вот трость, канотье – я из нэпа, – похоже?
Не надо оваций – к чему лишний шум?
Ах, в этом костюме узнали, – ну что же,
Тогда я одену последний костюм.

Долой канотье, вместо тросточки – стек, —
И шепчутся дамы:
«Да это же просто другой человек!»
А я – тот же самый.

Будьте же бдительны:
Всё относительно, —
Всё-всё, всё!

1966

* * *

Здравствуйте,
Наши добрые зрители,
Наши строгие критики!
Вы увидите фильм
Про последнего самого жулика.

Жулики —
Это люди нечестные, —
Они делают пакости,
И за это их держат в домах,
Называемых тюрьмами.

Тюрьмы —
Это крепкие здания,
Окна, двери – с решетками, —
На них лучше смотреть,
Лучше только смотреть на них.

Этот фильм —
Не напутствие юношам,
А тем более девушкам, —
Это,
Это просто игра,
Вот такая игра.

Жулики
Иногда нам встречаются, —
Правда, реже значительно,
Реже, чем при царе
Или, скажем, в Америке.

Этот фильм
Не считайте решением:
Все в нем – шутка и вымысел, —
Это,
Это просто игра,
Вот такая игра.

1966

* * *

Здесь сидел ты, Валет,
Тебе счастья нет,
Тебе карта всегда не в цвет.
Наши общие дни
Ты в душе сохрани
И за карты меня извини!

На воле теперь вы меня забываете,
Вы порасползлись все по семьям в дома, —
Мои товарищи, по старой памяти
Я с вами веду разговор по душам.

1966

* * *

Вот что:
Жизнь прекрасна, товарищи,
И она удивительна,
И она коротка,
Это самое-самое главное.

Этого
В фильме прямо не сказано, —
Может, вы не заметили
И решили, что не было
Самого-самого главного?

Может быть,
В самом деле и не было —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

И вот что:
Человек человечеству —
Друг, товарищ и брат у нас,
Друг, товарищ и брат, —
Это самое-самое главное.

Труд нас
Должен облагораживать, —
Он из всех из нас делает
Настоящих людей, —
Это самое-самое главное.

Правда вот,
В фильме этого не было —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

Мир наш —
Колыбель человечества,
Но не век находиться нам
В колыбели своей, —
Циолковский сказал еще.

Скоро
Даже звезды далекие
Человечество сделает
Достоянием людей, —
Это самое-самое главное.

Этого
В фильме прямо не сказано —
Было только желание, —
Значит,
Значит, это для вас
Будет в следующий раз.

1966

Для кинофильма «Война под крышами» (1967, 1971)

* * *

У нас вчера с позавчера
шла спокойная игра —
Козырей в колоде каждому хватало,
И сходились мы на том,
что, оставшись при своем,
Расходились, а потом — давай сначала!

Но вот явились к нам они — сказали «Здрасьте!»
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
Они давай хватать тузы и короли!

И пошла у нас с утра
неудачная игра, —
Не мешайте и не хлопайте дверями!
И шерстят они нас в пух —
им успех, а нам испуг, —
Но тузы — они ведь бьются козырями!

А вот явились к нам они — сказали «Здрасьте!»
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
И им достались все тузы и короли!

Шла неравная игра —
одолели шулера, —
Карта прет им, ну а нам — пойду покличу!
Зубы щелкают у них —
видно, каждый хочет вмиг
Кончить дело — и начать делить добычу.

А вот явились к нам они — сказали «Здрасьте!»
Мы их не ждали, а они уже пришли...
А в колоде как-никак — четыре масти, —
И им достались все тузы и короли!

Только зря они шустры —
не сейчас конец игры!
Жаль, что вечер на дворе такой безлунный!..
Мы плетемся наугад,
нам фортуна кажет зад, —
Но ничего — мы рассчитаемся с фортуной!

И вот явились к нам они – сказали «Здрасьте!»
Мы их не ждали, а они уже пришли...
Но в колоде все равно – четыре масти, —
И нам достанутся тузы и короли!

1967

Аисты

Небо этого дня —
ясное,
Но теперь в нем – броня
лязгает.
А по нашей земле —
гул стоит,
И деревья в смоле —
грустно им.

Дым и пепел встают
как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты.

Колос – в цвет янтаря, —
успеем ли?
Нет! Выходит, мы зря
сеяли.
Что ж там, цветом в янтарь,
светится?
Это в поле пожар
мечется.

Разбрелись все от бед
в стороны...
Певчих птиц больше нет —
вóроны!

И деревья в пыли
к осени.
Те, что песни могли, —
бросили.
И любовь не для нас, —
верно ведь,
Что нужнее сейчас
ненависть?

Дым и пепел встают

как кресты,
Гнезд по крышам не вьют
аисты.

Лес шумит, как всегда,
кронами,
А земля и вода —
стонами.
Но нельзя без чудес —
аукает
Довоенными лес
звуками.

Побрели все от бед
на восток,
Певчих птиц больше нет,
нет аистов.

Воздух звуки хранит
разные,
Но теперь в нем — гремит,
лязгает.
Даже цокот копыт —
топотом,
Если кто закричит —
шепотом.

Побрели все от бед
на восток, —
И над крышами нет
аистов...

1967

Для кинофильма «Хозяин тайги» (1968)

Дом хрустальный

Если я богат, как царь морской,
Крикни только мне: «Лови блесну!» —
Мир подводный и надводный свой,
Не задумываясь, выплесну!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Если беден я, как пес — один,
И в дому моем — шаром кати, —
Ведь поможешь ты мне, Господи,
Не позволишь жизнь скомкати!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

Не сравнил бы я любую с тобой —
Хоть казни меня, расстреливай.
Посмотри, как я любуюсь тобой, —
Как мадонной Рафаэлевой!

Дом хрустальный на горе — для нее,
Сам, как пес бы, так и рос — в цепи.
Родники мои серебряные,
Золотые мои россыпи!

1967

Песня Рябого

На реке ль, на озере —
Работал на бульдозере,
Весь в комбинезоне и в пыли, —
Вкалывал я дó зари,
Считал, что черви — козыри,
Из грунта выколачивал рубли.

Не судьба меня манила,
И не золотая жила, —
А широкая моя кость
И природная моя злость.

Мне ты не подставь щеки:
Не ангелы мы – сплавщики, —
Недоступны заповеди нам...
Будь ты хоть сам бог Аллах,
Зато я знаю толк в стволах
И весело хожу по штабелям.

Не судьба меня манила,
И не золотая жила, —
А широкая моя кость
И природная моя злость.

1968

Для кинофильма «Интервенция» (1968, 1987)

Гром прогремел

Гром прогремел – золяция идет,
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнута з ворами
И что настал критический момент —
И заедает темный элемент.

Не тот расклад – начальники грустят, —
Во всех притонах пьют не вины, а отравы,
Во всем у городе – убийства и облавы, —
Они приказ дают – идти ва-банк
И применить запасный вариант!

Вот мент идет – идет в обход,
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся Одесса переполнута з ворами
И что настал критический момент —
И заедает темный элемент.

А им в ответ дают такой совет:
Имейте каплю уваженья к этой драме,
Четыре сбоку – ваших нет в Одессе-маме!
Пусть мент идет, идет себе в обход, —
Расклад не тот – и нумер не пройдет!

1967

* * *

До нашей эры соблюдалось чувство меры,
Потом бандитов называли – «флибустьеры», —
Теперь название звучное «пират»
Забыли, —
Бить их
И словом оскорбить их
Всякий рад.

Бандит же ближних возлюбил – души не чает,
И если чтой-то им карман отягощает —
Он подойдет к им как интеллигент,
Улыбку
Выжмет —

И облегчает ближних
За момент.

А если ближние начнут сопротивляться,
Излишне нервничать и сильно волноваться, —
Тогда бандит поступит как бандит:
Он стрельнет
Трижды —
И вмиг приводит ближних
В трупный вид.

А им за это – ни чинов, ни послаблений, —
Доходит даже до взаимных оскорблений, —
Едва бандит выходит за порог,
Как сразу:
«Стойте!
Невинного не стройте!
Под замок!»

На теле общества есть много паразитов,
Но почему-то все стесняются бандитов, —
И с возмущеньем хочется сказать:
«Поверьте, —
Боже,
Бандитов надо тоже
Понимать!»

1967

Песня бродского

Как все, мы веселы бываем и угрюмы,
Но если надо выбирать и выбор труден —
Мы выбираем деревянные костюмы, —
Люди! Люди!

Нам будут долго предлагать не прогадать:
«Ах, – скажут, – что вы! Вы еще не жили!
Вам надо только-только начинать!..» —
Ну а потом предложат: или – или.

Или пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи —
Или просто деревянные костюмы.

И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов и добрых судей, —

Но нам предложат деревянные костюмы, —
Люди! Люди!

Нам даже могут предложить и закурить:
«Ах, — вспомнят, — вы ведь долго не курили!
Да вы еще не начинали жить!..» —
Ну а потом предложат: или — или.

Дым папиросы навевает что-то, —
Одна затяжка — веселее думы.
Куришь охота! Как курить охота!
Но надо выбрать деревянные костюмы.

И будут вежливы и ласковы настолько —
Предложат жизнь счастливую на блюде, —
Но мы откажемся — и бьют они жестоко, —
Люди! Люди! Люди!

1967

Песня Саньки

У моря, у порта
Живет одна девчонка, —
Там моряков до чёрта
Из дальних разных стран,
Загадочных стран.
И все они едва ли
Девчонку эту знали,
Одни не замечали:
Мол, не было печали, —
Ну а другим, кто пьян,
Скорее бы — стакан.

Подруга, блондинка,
Та, что живет у рынка:
Как день — так вечеринка, —
Веселье там и смех,
Веселье и смех.
А тихая девчонка,
Хоть петь умела звонко,
К подруге не ходила —
Ей не до песен было, —
Веселье и успех
В почете не у всех.

Манеры, поклоны,
Мегеры и матроны,

Красавчики пижоны —
До них ей далеко,
До них далеко.
Ей не до поцелуев —
Ведь надо бить буржуев!

И надо бить, заметьте,
На всем на белом свете —
И будет всем легко,
И будет всем легко!

1967

Для кинофильма «Карантин» (1968)

* * *

Давно смолкли залпы орудий,
Над нами лишь солнечный свет, —
На чем проверяются люди,
Если войны уже нет?

Приходится слышать нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

Не ухнет уже бронебойный,
Не быть похоронной под дверь,
И кажется – всё так спокойно,
Негде раскрыться теперь...

Но все-таки слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

Покой только снится, я знаю, —
Готовься, держись и дерись! —
Есть мирная передовая —
Беда, и опасность, и риск.

Поэтому слышим нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

В полях обезврежены мины,
Но мы не на поле цветов, —
Вы поиски, звезды, глубины
Не сбрасывайте со счетов.

Поэтому слышим нередко,
Если приходит беда:
«Ты бы пошел с ним в разведку?
Нет или да?»

1968

Для кинофильма «Опасные гастроли» (1969)

Куплеты Бенгальского

Дамы, господа! Других не вижу здесь.
Блеск, изыск и общество – прелестно!
Сотвори Господь хоть пятьдесят Одесс —
Все равно в Одессе будет тесно.

Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

Вот приехал в город меценат и крез —
Весь в деньгах, с задатками повесы, —
Если был он с гонором, так будет – без,
Шаг ступив по улицам Одессы.

Из подробностей пикантных —
Две: мужчин столь элегантных
В целом свете вряд ли встретить бы смогли вы,
Ну а женщины Одессы —
Все скромны, все – поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае – красивые.

Грузчики в порту, которым равных нет,
Отдыхают с баснями Крылова.
Если вы чуть-чуть художник и поэт —
Вас поймут в Одессе с полуслова.

Нет прохода здесь, клянусь вам,
От любителей искусства,
И об этом много раз писали в прессе.
Если в Англии и в Штатах
Недостаток в меценатах —
Пусть приедут, позаимствуют в Одессе.

Дамы, господа! Я восхищен и смят.
Мадам, мессье! Я счастлив, что таиться!
Леди, джентльмены! Я готов стократ
Умереть и снова здесь родиться.

Всё в Одессе – море, песни,

Порт, бульвар и много лестниц,
Крабы, устрицы, акации, мезон шанте, —
Да, наш город процветает,
Но в Одессе не хватает
Самой малости — театра-варьете!

1968

Цыганская песня

Камнем грусть висит на мне, в омут меня тянет, —
Отчего любое слово больно нынче ранит?
Просто где-то рядом встали табором цыгане
И тревожат душу вечерами.

И, как струны, поют тополя.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
И звенит, как гитара, земля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Утоплю тоску в реке, украду хоть ночь я, —
Там в степи костры горят и пламя меня манит.
Душу и рубаху — эх! — растерзаю в клочья, —
Только пособите мне, цыгане!

Я сегодня пропьюсь до рубля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Пусть поет мне цыганка, шая.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Всё уснувшее во мне — струны вновь разбудят,
Всё поросшее быльем — да расцветет цветами!
Люди добрые простят, а злые — пусть осудят, —
Я, цыгане, жить останусь с вами!

Ты меня не дожدهшься, петля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Лейся, песня, как дождь на поля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

1968

Баллада о цветах, деревьях и миллионерах

В томленье одиноком
В тени — не на виду —

Под неусыпным оком
Цвела она в саду.

Мама́ – всегда с друзьями,
Папа́ от них сбежал,
Зато Каштан ветвями
От взглядов укрывал.

Высоко ль или низко
Каштан над головой, —
Но Роза-гимназистка
Увидела – его.

Нарцисс – цветок воспетый,
Отец его – магнат,
И многих Роз до этой
Вдыхал он аромат.

Он вовсе был не хамом —
Изысканных манер.
Мама́ его – гран-дама,
Папа́ – миллионер.

Он в детстве был опрыскан —
Не запах, а дурман, —
И Роза-гимназистка
Вступила с ним в роман.

И вот, исчадье ада,
Нарцисс тот, ловелас,
«Иди ко мне из сада!» —
Сказал ей как-то раз.

Когда еще так пелось?!
И Роза, в чем была,
Сказала: «Ах!», зарделась —
И вещи собрала.

И всеми лепестками
Вмиг завладел нахал.
Мама́ была с друзьями,
Каштан уже опал.

Искала Роза счастья
И не видала, как
Сох от любви и страсти
Почти что зрелый Мак.

Но думала едва ли,

Как душен пошлый цвет, —
Все лепестки опали —
И Розы больше нет.

И в черном чреве Мака
Был траурный покой.
Каштан ужасно плакал,
Когда расцвел весной.

1968

Романс

Было так – я любил и страдал.
Было так – я о ней лишь мечтал.
Я ее видел тайно во сне
Амазонкой на белом коне.

Что мне была вся мудрость скучных книг,
Когда к следам ее губами мог припасть я!
Что с вами было, королева грез моих?
Что с вами стало, мое призрачное счастье?

Наши души купались в весне,
Плыли головы наши в огне.
И печаль, с ней и боль – далеки,
И казалось – не будет тоски.

Ну а теперь – хоть саван ей готовь, —
Смеюсь сквозь слезы я и плачу без причины.
Вам вечным холодом и льдом сковало кровь
От страха жить и от предчувствия кончины.

Понял я – больше песен не петь,
Понял я – больше снов не смотреть.
Дни тянулись с ней нитями лжи,
С нею были одни миражи.

Я жгу остатки праздничных одежд,
Я струны рву, освобождаясь от дурмана, —
Мне не служить рабом у призрачных надежд,
Не поклоняться больше идолам обмана!

1968

Для кинофильма «Белый взрыв» (1969)

* * *

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек, —
Для остановки нет причин —
Иду, скользя...
И в мире нет таких вершин,
Что взять нельзя!

Среди нехоженных путей
Один – пусть мой!
Среди невзятых рубежей
Один – за мной!
А имена тех, кто здесь лег,
Снега таят...
Среди непройденных дорог
Одна – моя!

Здесь голубым сияньем льдов
Весь склон облит,
И тайну чьих-нибудь следов
Гранит хранит...
И я гляжу в свою мечту
Поверх голов
И свято верю в чистоту
Снегов и слов!

И пусть пройдет немалый срок —
Мне не забыть,
Что здесь сомнения я смог
В себе убить.
В тот день шептала мне вода:
Удач – всегда!..
А день... какой был день тогда?
Ах да – среда!..

1969

К вершине

Памяти Михаила Хергиани

Ты идешь по кромке ледника,
Взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
Выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз —
Будто бы тебе покой обещан,
Предостерегая всякий раз
Камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают – к ним пришла беда, —
Дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
От разрывов горные обвалы.

Если ты о помощи просил —
Громким эхом отзывались скалы,
Ветер по ущельям разносил
Эхо гор, как радиосигналы.

И когда шел бой за перевал, —
Чтобы не был ты врагом замечен,
Каждый камень грудью прикрывал,
Скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы не пойдет!
Ты пошел – ты не поверил слухам, —
И мягчал гранит, и таял лед,
И туман у ног стелился пухом...

Если в вечный снег навеки ты
Ляжешь – над тобою, как над близким,
Наклонятся горные хребты
Самым прочным в мире обелиском.

1969

Для кинофильма «Сыновья уходят в бой» (1970)

Он не вернулся из боя

Почему всё не так? Вроде – всё как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода...
Только – он не вернулся из боя.

Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас —
Когда он не вернулся из боя.

Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал, —
А вчера не вернулся из боя.

То, что пусто теперь, – не про то разговор:
Вдруг заметил я – нас было двое...
Для меня – будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.

Нынче вырвалась, словно из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить!» – а в ответ – тишина...
Он вчера не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые...
Отражается небо в лесу, как в воде, —
И деревья стоят голубые.

Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло – для обоих...
Всё теперь – одному, – только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.

1969

Песня о земле

Кто сказал: «Всё сгорело дотла,
Больше в землю не бросите семя!»?

Кто сказал, что Земля умерла?
Нет, она затаилась на время!

Материнства не взять у Земли,
Не отнять, как не вычерпать моря.
Кто поверил, что Землю сожгли?
Нет, она почернела от горя.

Как разрезы, траншеи легли,
И воронки – как раны зияют.
Обнаженные нервы Земли
Неземное страдание знают.

Она вынесет всё, переждет, —
Не записывай Землю в калеки!
Кто сказал, что Земля не поет,
Что она замолчала навеки?!

Нет! Звенит она, стоны глуша,
Изо всех своих ран, из отдушин,
Ведь Земля – это наша душа, —
Сапогами не вытоптать душу!

Кто поверил, что Землю сожгли?!
Нет, она затаилась на время...

1969

Сыновья уходят в бой

Сегодня не слышно биенье сердец —
Оно для аллей и беседок.
Я падаю, грудью хватая свинец,
Подумать успев напоследок:

«На этот раз мне не вернуться,
Я уйду – придет другой».
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Вот кто-то, решив: после нас – хоть потоп,
Как в пропасть шагнул из окопа.
А я для того свой покинул окоп,
Чтоб не было вовсе потопа.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели оглянуться —

А сыновья уходят в бой!

Кто сменит меня, кто в атаку пойдет?
Кто выйдет к заветному мосту?
И мне захотелось – пусть будет вон тот,
Одетый во всё не по росту.

Я успеваю улыбнуться,
Я видел, кто придет за мной.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

Разрывы глушили биенье сердец,
Мое же – мне громко стучало,
Что всё же конец мой – еще не конец:
Конец – это чье-то начало.

Сейчас глаза мои сомкнутся,
Я крепко обнимусь с землей.
Мы не успели оглянуться —
А сыновья уходят в бой!

1969

Темнота

Темнота впереди – подожди!
Там – стеною закаты багровые,
Встречный ветер, косые дожди
И дороги неровные.

Там – чужие слова, там – дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава
И следы не читаются, —
В темноте.

Там проверка на прочность – бои,
И закаты, и ветры с прибоями, —
Сердце путает ритмы свои
И стучит с перебоями.

Там – чужие слова, там – дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава
И следы не читаются, —
В темноте.

Там и звуки и краски – не те,
Только мне выбирать не приходится —
Видно, нужен я там, в темноте, —
Ничего – распогодится!

Там – чужие слова, там – дурная молва,
Там ненужные встречи случаются,
Там сгорела, пожухла трава
И следы не читаются, —
В темноте.

1969

Для кинофильма «Внимание, цунами!» (1969)

* * *

Долго же шел ты в конверте, листок, —
Вышли последние сроки!
Но потому он и Дальний Восток,
Что — далеко на востоке...

Ждешь с нетерпением ответ ты —
Весточку в несколько слов...
Мы здесь встречаем рассветы
Раньше на восемь часов.

Здесь до утра пароходы ревут
Средь океанской шумихи —
Не потому его Тихим зовут,
Что он действительно тихий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.